

УДК 811.511.1: 81'28

ББК 81

В 30

Научные редакторы:

доктор филологических наук *Н. Г. Зайцева*,

доктор филологических наук *С. А. Мызников*

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент *Т. В. Пащикова*,

кандидат филологических наук *А. П. Родионова*

В30 Вепские ареальные исследования. Сборник статей. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 193 с.

ISBN 978-5-9274-0584-8

В представленном сборнике рассматривается с различных сторон слово вепской диалектной речи, которое в его фонетическом, грамматическом, семантическом оформлении является одним из наиболее ярких маркеров диалектных ареалов. В статьях сборника слово выступает как объект лингвогеографических исследований, как материал для изучения истории языка, как факт топонимической системы. Все названные аспекты имеют выход также и в решение проблем языковых контактов, субстрата в языке и культуре, в вепский мифологический пантеон, в этническую историю края.

УДК 811.511.1: 81'28

ББК 81

*Сборник статей «Вепские ареальные исследования» подготовлен
при поддержке гранта РГНФ № 12-04-00081*

«Лингвистический атлас вепского языка»

и может быть полезен и интересен представителям различных наук

ISBN 978-5-9274-0584-8

© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2013

© Карельский научный центр РАН, 2013

© Коллектив авторов, 2013

Содержание

Предисловие	4
Вопросник «Лингвистического атласа вепсского языка»	7
<i>Н. Г. Зайцева.</i> Вепсский диалектный материал и некоторые грамматические аспекты вепсской диалектологии (на основе анализа грамматических проблем вопросника «Лингвистического атласа вепсского языка»)	46
<i>И. В. Бродский.</i> Некоторые особенности вепсских говоров (по материалам изданных образцов вепсской речи)	71
<i>С. А. Мызников.</i> Лингвогеографические исследования на основе лексических данных финно-угорских и русского языков в контактных ареалах	92
<i>О. Ю. Жукова.</i> Традиции причитывания у разных диалектных групп вепсов (лингвистический аспект)	113
<i>И. И. Муллонен.</i> Большие озера маленького народа: идентификация по размеру в вепсской топонимии	130
<i>Е. В. Захарова.</i> Вепсское прошлое Восточного Обонежья по данным топонимии	144
<i>А. И. Соболев.</i> Прибалтийско-финские кальки в топонимии юго-восточного Обонежья	155
<i>И. П. Новак.</i> Роль вепсского языка в становлении карельской альтернативной системы	166
<i>И. Ю. Винокурова.</i> Вепсский мифологический пантеон в свете некоторых этапов этнической истории народа (на основе вепсского диалектного материала)	174

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб, 1994.

Муллонен И. И. Топонимический атлас Карелии: проблемы и перспективы // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте. Материалы научного симпозиума. Петрозаводск, 2007.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1563 г. Л., 1930.

ПФГЛК – Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Хелимский Е. А. Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопросы ономастики. 2006. № 3.

Ikonen T. I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja // LSFU. XV. Helsinki, 1958.

Karjalan kielen sanakirja. I – V // LSFU. XVI. Helsinki, 1968–1997.

Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto // SUST. 200. Helsinki, 1989.

Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistöissä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 72. Helsinki, 1973.

Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Helsinki, 1975.

Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. 1. 1976.

Saarikivi J. On the Uralic substrate toponymy of Arkhangelsk region: problems of research methodology and ethnohistorical interpretation // Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian substrate in Northern Russian dialects. Tartu, 2006.

А. И. Соболев
(Архангельск)

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ КАЛЬКИ В ТОПОНИМИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ОБОНЕЖЬЯ

Для многих районов Европейского Севера, где историческими документами не зафиксирован факт проживания финно-угорского населения, актуален вопрос о наличии или отсутствии неславянского субстрата в местных русских говорах и локальных вариантах культуры, а также путях выявления такого влияния.

Особую актуальность подобного рода исследования имеют в Обонежье – историко-культурном регионе вокруг Онежского озера, территории с современным русским и прибалтийско-финским (карельским и вепсским) населением.

Это объясняется следующими причинами. Во-первых, вепсы стали объектом научного изучения сравнительно поздно – только

во второй половине XIX в., когда вепсская культура уже подверглась значительному «обрусению» [Винокурова, 2007, 7]. Во-вторых, первые более или менее полные статистические данные о расселении неславянского населения в Олонецкой губернии появились только в 1840-е гг. [Пашков, 2003, 329–332].

При таких обстоятельствах языковые данные служат ключевым источником для восстановления этнической истории края.

Топонимические калки позволяют не только подтвердить этимологию субстратного топонима, но и служат доказательством билингвизма и в некоторых случаях указывают на конкретное время существования двуязычия.

В настоящей статье нами рассмотрены примеры прибалтийско-финско-русских топонимических калек на юго-восточной части Обонежья, включающей в себя бассейны р. Андомы, озёр Тудозера и Муромского (север Вытегорского района Вологодской области и юг Пудожского района Республики Карелия) с привлечением данных по прилегающим территориям. Отметим, что в XV–VIII вв. рассматриваемая территория составляла отдельную административно-территориальную единицу – Никольский Андомский погост Обонежской пятины Новгородской земли.

Источниками для данной работы послужили писцовые книги XVI–XVII вв., топографические карты и планы, материалы Национального архива Республики Карелия (НАРК) и полевые данные автора (1996–2008 гг.).

В настоящее время население территории – русское, однако ранее здесь наряду с русским проживало прибалтийско-финское (вепсское и карельское) население, о чем свидетельствует хорошая сохранность микротопонимии прибалтийско-финского происхождения, значительный пласт лексики вепсского и карельского происхождения в местных русских говорах, наличие черт материальной и духовной культуры, характерных для вепсов и карел. Процесс утраты национального самосознания и языка у андомской части прибалтийско-финского населения завершился, по-видимому, в XVIII–XIX вв. [Соболев, 2009].

Итоги топонимической экспедиции Уральского университета, проведенной в бассейне р. Андомы в 1999 г., также свиде-

тельствуют о том, что лексический и топонимический фон территории характеризуется:

- богатейшей субстратной топонимией (до 50 % названий), имеющей вепские и карельские этимологии;
- массовыми (в том числе глагольными) заимствованиями из данных языков;
- регулярными топонимами-полукальками (Кивручей, Габозеро, Лемболото и проч.), а также русскими топонимами, сохраняющими структуру субстратных.

Указанные обстоятельства позволяют ожидать здесь существование топонимических калек, характерных для зон прибалтийско-финско-русского двуязычия [Гусельникова, 2000, 172–173].

Полные топонимические кальки в названии одного объекта. А. К. Матвеев считал, что для территорий с живым двуязычием, например для Карелии, поиск параллельных названий, прилагаемых к одному объекту, очень полезен, однако бесперспективен для Русского Севера как давно обрусевшей территории [Матвеев, 2001, 114].

Вместе с тем следы двуязычия можно выявить по ранним письменным документам, когда население ныне обрусевших территорий еще владело прибалтийско-финскими языками. При этом выявление синхронных разноязычных калькированных названий одного и того же объекта позволяет установить не только факт билингвизма, но и его временные рамки.

Так, например, по материалам писцовых книг XVI–XVII вв. исследователями выявлялись топонимические кальки по некоторым из погостов Обонежской пятины, например в Водлозерском: «дер. на *Медвежье* наволоке слово на *Конде* наволоке»: вепс. *kondii*, кар. *kondi* «медведь» [Муллонен, 2002, 107; Попов, 1949, 49–50; Шилов, 2001, 48–50].

На основании анализа писцовых книг по территории южного Обонежья нами также выявлены следующие прибалтийско-финско-русские кальки:

- 1) «починок на *Габ*-наволоке *Осинкин*» (1563 г., Мегрежской погост) [Писцовые книги, 1930, 218]: вепс. *hab* «осина»;
- 2) «д. на *Курье* горе» (1496 г., Оштинский погост), она же – «дер. на *Куковье* горе» (1563 г., Оштинский погост) [Писцовые книги,

1930, 31, 222], позднее – д. Куково Оштинского сельсовета Вытегорского района: вепс. *kikoi* «пестух», при рус. кур «пестух», курий «петушиный» [Словарь русского языка, 1981, 134, 138];

- 3) «д. Пустынка же словет на горе Кукасовская» (1563 г., Вытегорский погост) [Писцовые книги, 1930, 211], она же – «пустошь, что была деревня Кукасовская гора, Пустынка» [Писцовая книга, 1993, 278]: вепс. *kikkaz* «холм, горка»;
- 4) «д. в Сосновицах, на усть ручейка Елисеёвской, в Гонгиницах» (1628/1629 гг., Андомский погост) [Список, 1850]: вепс. *hong* «сосна (обычно сухая, высокая), высохшая на корню сосна».

Поскольку фиксация параллельных названий одного и того же объекта, представляющих собой разноязыкие корреляты, как правило, происходит при наличии двуязычия [Матвеев, 2001, 113–114], то с учетом одновременной фиксации форм Гонгиницы и Сосновицы можно заключить, что в первой трети XVII в. в пределах Андомского погоста (на оз. Тудозеро) имелось двуязычное население, говорившее на вепсском и русском языках.

Нами выявлены также диахронные разноязычные варианты одного топонима на территории Андомского погоста:

- 1) «д. на Лисье горе Фролков след», 1563 г. [Писцовые книги, 1930, 191], она же – «пустошь на Лисьей горе Фролковской След», 1583 г. [Писцовая книга, 1993, 246], в настоящее время – поляна *Ребосельга* у д. Ладино Андомской сельской администрации < **Reboisel*’g: вепс. *reboi* «лиса», *sel’g* «поросшая лесом гора, сельга».
- 2) «д. Григуево», 1563 г. [Писцовые книги, 1930, 194], она же – «д. Григорьева» (1583 г.) [Писцовая книга, 1993, 255]: вепс. **Grigoi*, кар. *Griigoi* – Григорий.

Примером, свидетельствующим о русско-вепсском двуязычии в южном Обонежье в более позднее время, являются два синхронных названия одного подводного края (луды) в южной (вытегорской) части Онежского озера – *Зуб-сельга* и *Гамбо-сельга* [Пушкарёв, 1900, 85]: вепс. *hambaz* «зуб». Длительное сохранение двух названий объясняется тем, что рыболовство в данном районе осуще-

ставляли не только русские, но и вепские рыбаки с западного побережья Онежского озера.

В целом приведенные топонимические кальки свидетельствуют о:

- наличию в XV–XVII вв. прибалтийско-финского населения на территории южного Обонежья на современных русских территориях (в с. Ошта, в бассейне р. Андомы и Тудозера);
- двуязычии, сохранявшемся на оз. Тудозеро в XVII в.;
- об использовании писцами не только оригинальных русских топонимов, но и переводных калек прибалтийско-финских названий, не закрепившихся в устной речи (аналогичное явление отмечено также на верхней Свири [Муллонен, 2002, 140]).

Метонимические кальки. Метонимические кальки – одинаковые по содержанию, но различные в плане выражения (разноязычные) обозначения смежных объектов. Согласно А. К. Матвееву, возможны два пути образования топонимических калек. В первом случае одно из двух субстратных названий смежных объектов сохраняется, а второе калькируется; во втором – субстратное название или его калька переносится на часть объекта или смежный объект, т. е. происходит своеобразное «расщепление» топонима, который в эпоху двуязычия прилагался к одному объекту [Матвеев, 2001, 114].

Вероятно, первым, кто опубликовал примеры метонимических калек в бассейне р. Андомы, была М. Л. Гусельникова [Гусельникова, 1999, 2000]. В указанных статьях она приводит 12 примеров метонимических калек. Из них, на наш взгляд, достаточно убедительными являются 8 примеров, оставшиеся 4 примера спорны или ложны.

Перейдем к рассмотрению примеров калек, по нашему мнению, в целом не вызывающих сомнений в этимологии, дополнив их новым материалом:

1) руч. *Линдручей* (вепс. *lidn* «город») рядом с ур. *Городок* [Гусельникова, 1999, 17] (такая пара зафиксирована 2 раза – в Саминском погосте и у с. Макачево) [Гусельникова, 2000, 17].

На наличие в селах Самино и Макачево укрепленных поселений указывают также археологические и письменные источники.

Так, Саминское городище (XII–XIV вв.), расположенное на р. Самине в ур. Городок, обследовано в 1970-е гг. археологами Карельского филиала АН СССР. О неславянском населении городища говорит ориентировка погребений (северо-запад – юго-восток) [Пессонен, 1971, 30].

По писцовым книгам XVI в. саминское укрепление известно как «Городище» [Писцовые книги, 1930, 189], макачевское (на котором археологические раскопки не проводились) – как «Городок» [Писцовые книги, 1930, 195–196].

Аналогичные топонимические кальки выявлены нами на территории с. Ошта Вытегорского района: кладбище Линдашка (вепс. *lidn* «город») и ранее расположенные рядом с ними деревни:

«дер. *Городища*», 1496 г., она же – «дер. *Городище* словет Ильинское», 1563 г. [Писцовые книги, 1930, 32, 225], «дер. Пустошь над *городком*» (Ильина), 1873 г. [Олонецкая губерния, 1879, 129];

«дер. у *Городища*», 1496 г., она же – «дер. у *Городища* Фетковский след», 1563 г. [Писцовые книги, 1930, 33, 226], «дер. Федьковская – над *Городком*» (Рагозина), 1873 г. [Олонецкая губерния, 1879, 128] (населенный пункт располагался на р. Оште в 1,5 км выше ур. Линдашка);

2) ур. *Куйвач* (кар. ливвиковское *kuivaciŋ* «сухой») у покоса *Сухоземля* [Гусельникова, 1999, 17] (по нашим полевым данным топоним имеет форму *Су́ха земля*). На наш взгляд, для названия более вероятна вепсская этимология – от **Kuivač*, где основа *kuiv* (*kuiva-*) «сухой» оформлена формантом -č, который, как показывают исследования И. И. Муллонен, функционирует в простых по структуре топонимах, выступая в качестве заместителя детерминанта [Муллонен, 1994, 18].

Дополним, что расположение урочища и покоса на местности позволяет связать их с упоминаемым в писцовых книгах XVI в. населенным пунктом: «дер. за *Городищем* *Ивашков след* *Микуева да сына его Назарка* словет *Сухоземская*», 1563 г. [Писцовые книги, 1930, 190], она же – «пустошь за *Городищем* *Ивашка Меркурьева*», 1583 г. [Писцовая книга, 1993, 247].

При этом отчество *Микуев* также восходит к прибалтийско-финскому источнику: вепс. *Mikoï*, кар. *Mik(k)oi* – варианты кано-

нических христианских имен Михаил, Николай (приводимые данные писцовых книг позволяют предполагать, что имя Mikoï могло быть вариантом канонического имени Меркурий);

3) руч. *Силдручей* (вепс. *sild* «мост») у покоса *Стармостки* [Гусельникова, 1999, 17];

4) руч. *Каляручей* (вепс. *kala* «рыба») течет из оз. *Рыбно* [Гусельникова, 1999, 17]. Дополним пример также карельским этимолоном – *kala* (в том же значении);

5) ур. *Чуржега* (вепс. *čurg* «угол дома», *čugi* «дресва») у ур. *Каменный угол* [Гусельникова, 1999, 17]. Все же в основе топонима Чуржега лежит, вероятно, вепс. *čurg*.

Кроме того, нами в дополнение к указанной выявлена еще одна калька в данном микрорегионе – рядом с покосом *Каменный угол* расположен покос *Сальма* (вепс. *saum* «угол дома»). В данном случае, очевидно, произошло сближение топонима с продуктивным в вепсской топонимии географическим термином *sal'm* «пролив»;

6) ур. *Курнаний* (вепс. *kurn* «желоб, лоток») рядом с ур. *Лоточное* [Гусельникова, 1999, 17]. По нашему мнению, топоним Курнаний восходит к прибалтийско-финскому оригиналу – вепс. **Kurnanoja* или кар. **Kuurnanoja* – сложному топониму, где первый компонент – *ku(u)rn(a)* находится в генитиве единственного числа, а второй компонент (детерминант) – вепс., кар. *-oja* «ручей». Таким образом, буквальный перевод топонима – «желоба ручей», «лотка ручей».

Подобные падежные конструкции достаточно продуктивны в прибалтийско-финской топонимии. Нарисательное существительное *kurn* (*kuurna*), стоящее в генитиве, выражает место, где находится ручей (в данном случае у лотка или лотков). Ср. примеры из карельской (ливвиковской) топонимии: *Lammin|oja*, букв. «ламбы ручей», *Mel'l'ičan|koski*, букв. «мельницы порог» [Мамонтова, 1982, 119].

При адаптации топонима русским языком прибалтийско-финский детерминант *-oja* был передан в фонетическом варианте *-ия*, встречаемом также в Присвирье в названиях ручьев [Муллонен, 2002, 126];

7) р. *Кайдашка* (вепс. *kaidašti* «узко») вытекает из болота *Узкий Мох* [Гусельникова, 1999, 16]. В целом соглашаясь с этимологией,

необходимо отметить, что в основе названия все же лежит вепс. *kaid* или кар. *kaida* «узкий», оформленное русским суффиксом -шк(а) (ср. аналогичные топонимы южного Обонежья (с. Ошта), оформленные суффиксом -шк(а) – руч. Оровашка < вепс. *ogav* «белка»; ур. Линдашка < вепс. *lidn* «город»), а не вепсское наречие *kaidašti* с той же основой, где -*šti* – характерный для наречий словообразовательный суффикс;

8) руч. *Лепручей* (вепс. *leib* «хлеб») течет с поля *Хлебное* [Гусельникова, 1999, 17]. Только наличие в истоках Хлебного поля позволяет связать в данном случае топооснову Леп- (через упрощение дифтонга) с вепс. *leib*. В большинстве иных случаев топооснова все же восходит к вепс. *ler* «ольха».

Приведем также несколько примеров метонимических калек, выявленных нами на данной территории:

1. Расположенные в ур. *Лядины* (< *лядина* «подсека», «участок в лесу, расчищенный под посев») оз. *Галманское* ~ *Гарманское* (вепс. *hauteh* «подсека, пожог», кар. *halmeh* «заброшенная пожога») и бывшая д. *Кигалма* < вепс. *Kivhaum(eh)*, где *kivi* «камень», *hauteh* «подсека».

2. Бывшая д. *Янишево* (вепс. *jäniš* «заяц») на оз. *Троицкое* (вариант названий – *Янишево*), в конце XVIII в. известном как *Заицкое* [Генеральный план].

Таким образом, на рассматриваемой территории выявлено более десятка достаточно достоверных прибалтийско-финских метонимических калек.

Вместе с тем имеются случаи, когда топонимические кальки являются ложными, основанными на первом впечатлении, без учета ранее зафиксированных форм названий.

Спорные и ложные этимологии

1) р. *Куржекса* (вепс. *kur*, *kuro* «снеговая туча, снегопад») – у р. *Снежница* [Гусельникова, 1999, 17].

Относительно данной пары А. Л. Шилов отмечал, что из *kuro* образование *Куржекса* (основа **kuržes*) на прибалтийско-финской почве вряд ли возможно. Скорее, название происходит из саамского *kuogč*, *kurčA* «овраг, ущелье», *kurtšes* «овражистый», что отвеча-

ет характеру этой реки, большей частью текущей в теснинах [Шиллов, 2001, 55]. Ср. также кар. *kuržo* «сырая низина, заросшая кустарником или низкорослыми деревьями».

2) оз. *Айнозеро* (вепс. *ajada* «ехать, плыть») – рядом с оз. *Ездно* [Гусельникова, 1999, 16].

В указанном примере не пояснено, в результате каких изменений вепс. *ajada* преобразовалось в топооснову Айн-. Кроме того, не учтены ранние формы топонима – Ван-озеро, Ван-озеро, 1563 г. [Писцовые книги, 1930, 199, 201], Анозеро, Аннозеро, конец XVIII в. [Генеральный план].

По нашему мнению, в данном случае топоосновы Айн-, Ан-, Ван- представляют собой различные варианты адаптации вепс. *ahn* «окунь»:

– Айн- < *ahn* с переходом вепс. «h» в русск. «й». Подобная передача звука «h» отмечена И. И. Муллонен в Заонежье: Айннаволо (Айнаволо, Вайннаволо), где Айн(н)-, Вайн < *ahn*, Лайностров, где Лайн- < кар. *lahna* «лещ» [Муллонен, 2008, 136–137].

О возможности аналогичного отражения прибалтийско-финского звука *h* в некоторой части андомских географических названий свидетельствует топоним Вехкозеро с вариантом – Вейкозеро, где Вехк- < вепс. *vehk* «вахта, водяной трилистник (*Menyanthes trifoliata*)» (Вехкозеро находится в 12 км к северу от Айнозера).

С учетом указанной особенности можно заключить, что в основе топонима Лайнозеро (данное озеро расположено в 7 км восточнее Вейкозера) лежит вепс. *lahn* или кар. *lahna* «лещ»;

– Ан- < *ahn* с исчезновением «h». Исчезновение прибалтийско-финского «h» при адаптации топонима русским языком – также известное явление. Ср., например, в бассейне Тудозера название истока ручья Вербушки (Вирбушки, Гирбушки) – Ербозеро (Гербозеро) < прибалтийско-финское *hirvi* «лось»;

– Ван- < *ahn* с исчезновением «h» и появлением протетического «в» перед начальным «а».

3) руч. *Кивезручей* (кар. ливвиковское *kivesiine* «каменный») верховьями сходится с руч. *Каменный* на поле *Каменное* [Гусельникова, 1999, 17].

В случае, если речь идет о Кивизручье, левом притоке р. Самины, то, судя по ранней форме топонима – Кирьвез ручей (1645–

1676 гг. [Челобитная]), его название восходит все же к вепс. *kirvez*, кар. *kirves* «топор».

4) оз. *Кугозеро* (вепс. *kukk*, кар. ливвиковское *kukki* «нетух») у бывш. д. *Петунова Гора* [Гусельникова, 1999, 17].

Более раннюю форму топонима, указанную в Генеральном плане Вытегорского уезда (конец XVIII в.), можно прочесть как Кудозеро.

Конечно, по указанному вопросу требуются дополнительные изыскания, но если форма Кудозеро первична, то в основе названия лежит вепс. *kudo* «нерест», что может быть подтверждено и географическими реалиями. Кугозеро, несомненно, более мелководно и удобно для нереста, чем соединенное с ним протокой оз. Куржинское, чьи глубины достигают 30 м.

Таким образом, наличие топонимических калек свидетельствует о прибалтийско-финско-русском двуязычии населения андомского края, сохранявшемся длительный период.

Вместе с тем анализ примеров калек показывает, насколько важно выявление и учет ранних форм топонимов, без которых даже такой, казалось бы, надежный источник может оказаться ложным.

ЛИТЕРАТУРА

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб, 2007.

Генеральный план Вытегорского уезда Олонецкого наместничества. РГАДА, ф. 1356, оп.1, д. 3262–3271.

Гусельникова М. Л. Итоги работы топонимической экспедиции Уральского университета в Вытегорском районе Вологодской области // Финно-угорское наследие в русском языке: сб. научных трудов. Вып. 1. Екатеринбург: Уральский университет, 2000.

Гусельникова М. Л. Об определении калек в топонимии Русского Севера // Русская диалектная этимология: 3-е науч. совещание 21–23 октября 1999 г. Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1999.

Мамонтова Н. Н. Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск: Карелия, 1982.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2001.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб: Наука, 1994.

Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002.

Олонецкая губерния: список населенных мест по сведениям 1873 года. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1879. ХСV. 235. 1 с. (Списки населенных мест Российской империи. Т. 27).

Пашков А. М. «Открытие» и изучение вепсов в дореволюционной России // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003.

Пессонен П. Э. Раскопки городища у дер. Самоно // Археологические открытия 1970 г. М., 1971.

Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины А. В. Плещеева и подьячего С. Кузьмина 1582/1583 г. // История Карелии в XVI–XVII вв. в документах. Т. III. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993.

Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.

Попов А. И. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949.

Пушкарев Н. Н. Рыболовство на Онежском озере: отчет Министру Земледелия и Государственных Имуществ: с картою, 4 графиками и 17 рисунками. Тип. В. Ф. Киршбаума. СПб, 1900.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. Крада-Лящина. М.: Наука, 1981.

Соболев А. И. О прибалтийско-финском субстрате в геокультурном пространстве Андомского погоста // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки», № 5. 2009.

Список с писцовой книги 136 и 137 [1628–1629] годов // Олонецкие губернские ведомости. Часть неофициальная, № 44–45. 1850.

Челобитная крестьянина Андомского Никольского погоста Савки Андреева об отводе сенных покосов, 1645–1676 // Электронная документальная коллекция «Олонецкая воеводская изба», на сайте illmik.petsru.ru.

Шилов А. Л. Топонимические кальки и этимология субстратных топонимов // Вопросы языкознания. 2001. № 1.